

Охоткинские
чтения

ПОЭЗИЯ
И
НАУКА

альманах
№ 4

Санкт-Петербург
2023

УДК 82
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
О-92

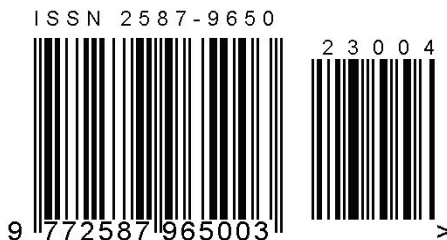
*Издание осуществлено при поддержке
Российского книжного союза*

Охапкинские чтения. Альманах № 4/2023. Поэзия и наука: стоицизм, творчество, память. Автор-составитель Т. И. Ковалькова. — СПб., 2023. — 240 с.

ISSN 2587-9650

Творческий союз выдающегося русского учёного Николая Александровича Козырева с поэтом Олегом Охапкиным совершенно новая тема для исследования. Их человеческая дружба и тесное интеллектуальное общение на протяжении двенадцати лет принесли не мало плодов. Без понимания идей Козырева невозможно понять философскую лирику Охапкина. Более того, прозрения учёного в отношении энергийных свойств времени дало возможность поэту конца XX века взглянуть на мир «платоновских идей» по-новому. В основу его поэтики легли метафизические опыты того периода, переведённые в поэтическую речь. На протяжении всей дальнейшей жизни Олег Охапкин продолжал и развивал этот опыт.

Авторские права на все статьи альманаха соблюдены.

© Татьяна Ковалькова, литературная концепция, 2023
© Дмитрий Ивашинцов, дизайнер, 2023

Юлия Валиева

О СИМВОЛИЧЕСКОМ КАЛЕНДАРЕ ОЛЕГА ОХАПКИНА*

Олег Александрович Охепкин — основоположник религиозно-го направления петербургской неподцензурной литературы. Его имя связано с возрождением в 1970-е годы жанров русской духовной поэзии.

По всей видимости, первым самиздатским опытом Олега Охепкина стало участие в машинописной антологии «Живое зеркало (второй этап ленинградской поэзии)» (1974), составленной К. Кузьминским, с которым он познакомился в 1970 г. [Охепкин 2009: 140]. Просмотренный мною экземпляр (из личного архива Б. И. Иванова)¹ открывается стихами Охепкина (хотя в «Оглавлении» его имя в списке из 14 авторов идет вторым, после Владлена Гаврильчика). В подборку включены 20 стихотворений (1967–1973 гг.): «Иосифу Бродскому», «Дмитрию Бобышеву», «Александру Ожиганову», «Виктору Кривулину», «Борису Куприянову», «Санктъ-Петербургъ» (Петру Чагину), «К другу моему» (К. Кузьминскому), «К душе своей», «На отъезд поэта», «Второй орфический гимн февралю», «Самый снежный день зимы» (А. О.), «Пять минут пополуночи», «Портрет», «Летучий голландец» (Ю. Ш.), «Квадрига» (Светлой памяти Пушкина), «Сфинкс» (М. Ш.), «Неужто азиат...», «На смерть патриарха», «Вход Господень в Иерусалим», «Моление о чаше». Этой же подборкой, — с сохранением посвящений, эпиграфов и порядка следования произведений, — начинается представляющий Охепкина раздел в «Антологии новейшей русской поэзии У Голубой Лагуны» (том 4Б).

* Впервые опубликовано в составе статьи Ю. М. Валиевой «Концепции периодизации "второй культуры": Олег Охепкин — Константин Кузьминский (По материалам Amherst Center for Russian Culture)» // На берегах Голубой Лагуны: Константин Кузьминский и его Антология. Сборник исследований и материалов. Москва; Бостон; СПб.: Academic Studies Press; Библиороссика, 2022. С. 377–433. В настоящем издании приводится с небольшими изменениями.

¹ «Живое зеркало (второй этап ленинградской поэзии)». 4-е изд., испр., Санкт-Петербург, 1974. — 348 с.

Через Кузьминского состоялись многие знакомства Охапкина, в том числе с Т. Г. Гнедич², ее переводческим семинаром и «царско-сельским» ЛИТО. В свою очередь, Охапкин представил Кузьминского, увлеченного идеей перевода «Досок судьбы» В. В. Хлебникова «на язык математический», астроному Н. А. Козыреву для возможного в этом сотрудничестве.

Охапкин был в числе тех деятелей ленинградской «второй культуры», кто отстаивал право литераторов на свободу публикации. В 1973 г. он подписался под совместным с В. Б. Кривулиным и Ф. Б. Чирсковым письмом в секретариат Правления Ленинградского отделения Союза советских писателей РСФСР, в котором заявлялось о том, что из литературы «оказалось изъято целое поколение писателей и поэтов. Произведения этих авторов, не попав на страницы печатных изданий, образовали своего рода “вторую литературную действительность”»³. На заседании рабочей части Секретариата 16 апреля 1974 г., куда пригласили авторов письма⁴, Охапкин, согласно записям протокола, сказал в том числе следующее: «...нас не печатают и таким образом толкают в литературное подполье»⁵.

Узнав о подготовке Кузьминским в США антологии «У Голубой Лагуны» (далее — АГЛ), Охапкин предложил ему взять за основу

² *Гнедич Татьяна Григорьевна* (1907–1976) — переводчик, поэт. В декабре 1944 г. была арестована и осуждена на 10 лет лишения свободы. В тюрьме выполнила перевод на русский язык поэмы Дж. Байрона «Дон Жуан» (1-е издание — М.; Л.: Гослитиздат, 1959). Руководила семинаром поэтов-переводчиков при Ленинградском отделении Союза советских писателей (с 1958 г.), литературным объединением в г. Пушкине при газете «Вперед» (с 1963 г.).

³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 1. № 640. Л. 56. Авторизованная машинопись на 7-ми пронумерованных листах формата А4. Письмо Кривулина, Охапкина, Чирскова подшито к протоколам заседания Секретариата ЛО Союза писателей РСФСР, датировано 19 окт. 1973 г. Фрагменты из письма приведены в статье Шнейдермана «Пути легализации неофициальной поэзии в 1970-е годы», где датой письма указывается 3 декабря того же года. См. [Шнейдерман 1998: 197].

⁴ На заседании присутствовали: О. А. Охапкин, В. Б. Кривулин и Т. С. Буковская, обратившаяся в Союз писателей с отдельным письмом на эту же тему. Подробнее см. [Шнейдерман 1998: 197].

⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 1. № 640. Л. 53.

свою оригинальную периодизацию «второй культуры», представив ее суть в 11-ти письмах, датированных 16 сентября — 6 декабря 1979 года. Все его послания к Кузьминскому написаны на листах формата А4, каждое завершается «открыткой» с изображением одного из знаков Зодиака⁶: 1-е (от 16 сентября, «Весы»), 2-е (27 сентября, «Скорпион»), 3-е (30 сентября, «Стрелец»), 4-е (10 октября, «Козерог»), 5-е (18 октября, «Водолей»), 6-е (25 октября, «Рыбы»), 7-е (1 ноября, «Овен»), 8-е (9 ноября, «Телец»), 9-е (15-е ноября, «Близнецы»), 10-е (22 ноября, «Рак»), 11-е (6 декабря, «Лев»)⁷.

Составленный Охапкиным «символический календарь поколений» поэтов основан на том, что историко-литературная периодизация является частью единой системы, подчиненной принципам календарной цикличности (времена года, месяцы, дни недели). Вместе с тем, для ее построения и истолкования предлагается совместить: 1) естественно-научный подход, по образцу примененного А. Л. Чижевским к периодизации исторических событий на основе наблюдений над солнечной активностью, 2) символику христианского церковного календаря, 3) метаисторическое описание, 4) филологические штудии.

Согласно этой модели, история культуры циклична. Каждый цикл (= период) включает в себя следующие культурные века: Оловянный, Медный, Золотой, Серебряный, Свинцовый, Бронзовый, Железный, Платиновый. Охапкин соотносит развитие русской поэзии с христианской культурой, прошедшей этап в неполные три цикла, при этом третий из них (еще не завершившийся), он называет «имперским», или «петербургским» и полагает его началом 1711 год — год основания Петром Первым Сената⁸.

⁶ Зодиак. 16 цветных открыток / Художник и автор-сост. Г. Глебова. М.: Изобразительное искусство, 1978. Тираж — 275 000. На обороте каждой открытки дано описание того или иного созвездия. Охапкин пишет дату арабскими цифрами, местом написания указывает Санкт-Петербург: «С. П.».

⁷ Письма О. Охапкина цитируются нами по рукописям из фонда К. Кузьминского в Amherst Center for Russian Culture (ACRC). В квадратных скобках указывается номер письма и лист (по сквозной нумерации).

⁸ Полагаю, что 1711 г. был выбран Охапкиным в том числе по году рождения М. В. Ломоносова.

Хотя автор и сравнивает себя с Гесиодом, его концепция не подразумевает ценностной иерархии; смена одного века другим выражает не деградацию, а причинно-следственные отношения (в русле теории времени астронома Н. А. Козырева, с которым Охапкин поддерживал дружеские отношения и вел переписку).

По Охапкину, культурная эпоха, к которой принадлежат поколения ленинградских «неподцензурных» поэтов, датируется 1956–2004 гг. и повторяет по своему символическому значению эпоху Христа. Это эпоха героев, миссия которых — воскрешение к жизни, поэтому в календарном плане она соответствует «Весне», а в плане мистическом — «Воскресению». В восьмеричном цикле обе эти эпохи представляют собой «Бронзовый век». Из письма Охапкина от 9 ноября 1979 г.: «Наше же дело увековечить ту весну, участниками которой нам привелось быть. <...> И ты, конечно, прав, что сосредоточил своё внимание на нашем времени. Оно ключевое для будущего» [8: Л. 17 об.].

Остановимся на некоторых важных для Охапкина источниках. Поясняя составленный им календарь, он ссылается на исследование профессора Колумбийского университета Е. J. Bickerman “Chronology of the Ancient World” [Bickerman 1969] и книгу А. Л. Чижевского «Земное эхо солнечных бурь» [Чижевский 1976].

Из работы Э. Бикермана «Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность» (вышла на русском языке в переводе И. М. Стеблин-Каменского в 1976 г.), Охапкин заимствует сам принцип организации календаря, согласно которому «каждая полная дата состоит <...> из двух частей: календарной даты, которая периодически повторяется <...>, и хронографической даты, которая случается только один раз...» [Бикерман 1976: 7], а также представление о том, что простейшим приемом хронографии является счет поколений. По Охапкину, в основе периодизации русской литературы XX века лежит поколенческий принцип; хронографические даты обозначают года, а повторяющиеся элементы (время года, месяц, день недели) наделены символическим характером, отсылая к библейской Книге Бытия (дни недели) и церковному календарю (Весна — Пасха):

Март⁹

1956, 1957, 1958, 1959, 1960, 1961, 1962,
1963, 1964, 1965, 1966, 1967, 1968, 1969,
1970, 1971, 1972, 1973, 1974, 1975, 1976,

Апрель

1977, 1978, 1979, 1980, 1981, 1982, 1983,
1984, 1985, 1986, 1987, 1988, 1989, 1990,

Май

1991, 1992, 1993, 1994, 1995, 1996, 1997,
1998, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004... [б: л. 13]

Книгу А. Л. Чижевского Охапкин указывает в качестве образца своей схемы поколений, имея в виду, вероятно, общий подход к описанию исторического процесса методами точных наук. Приведенные в его письмах календарные таблицы свидетельствуют о том, что поэта привлекала сама идея построения истории русской литературы по аналогии с созданной Чижевским моделью «историкометрического» цикла: «Течение всемирно-исторического процесса составляет из непрерывного ряда циклов, занимающих промежутки времени, равный, в среднем арифметическом, 11-ти годам, и синхроничных в степени своей активности периодической пятнообразовательной активности солнца» [Чижевский 1924: 50].

Охапкин апеллирует к Чижевскому, сопровождая свои календарные схемы указанием на года активности солнца, в подтверждение неслучайности тех или иных рубежных дат, в том числе открывающего «Бронзовый век» 1956 года, традиционно соотносимого с началом «оттепели»¹⁰. Показывая свою осведомленность

⁹ Семь годов каждого ряда, по замыслу Охапкина, соответствуют также семи дням недели. Средняя колонка таблицы (= четверг), отмеченная автором вертикальными линиями слева и справа, выделена здесь нами курсивом. Мистическое ее значение автор не раскрывает.

¹⁰ Хотя Охапкин не упоминает «оттепель», это значение подразумевается: «Наше же дело увековечить ту весну, участниками которой нам привелось быть.» [8: 17 об.].

в астрономических данных, поэт тем не менее обращается в основном к нумерологическим константам русской картины мира. Избирая в качестве меры число 7, он указывает единой продолжительностью символического века (в том числе «Бронзового») 49 лет (семь раз по семь). Правда, автор не всегда последователен: рассуждая о количестве веков в составе цикла, он называет семь, а перечисляет восемь: I. Оловянный век (Зима); II. Медный век (Весна); III. Золотой век (Лето); IV. Серебряный век (Осень); V. Свинцовый век (Зима); VI. Бронзовый век (Весна); VII. Железный век (Лето); VIII. Платиновый век (Осень) [1: Л.2].

Если, по теории Чижевского, «в каждом столетии всеобщий цикл исторических событий повторяется ровно 9 раз» [Чижевский 1924: 27], то у Охупкина — семь раз. Соответственно, в концепции последнего, продолжительность цикла оказывается не 11 лет (как у Чижевского), а 13. Именно 13-летний цикл лежит, по Охупкину, в основе смены поколений поэтов:

Семь поколений XX век:

148. 1. 1905, 1906, 1907, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914,
1915, 1916, 1917¹¹,
149. 2. 1918, 1919, (и так далее — Ю.В.), 1929, 1930,
150. 3. 1931, 1932, (и так далее — Ю.В.), 1942, 1943,
151. 4. 1944, 1945, (и так далее — Ю.В.), 1955, 1956,
152. 5. 1957, 1958, (и так далее — Ю.В.), 1968, 1969,
153. 6. 1970, 1971, (и так далее — Ю.В.), 1981, 1982,
154. 7. 1983, 1984, (и так далее — Ю.В.), 1994, 1995... [8: Л. 18 об.]¹²

(В этой таблице семь рядов по вертикали, в каждом ряду последовательно перечислены 13 годов, представляющих года рождения поэтов одного поколения).

¹¹ Курсивом здесь нами выделены две крайние справа колонки цифр, отмеченные автором фигурными скобками и подписанные. Сверху: «годы активного Солнца»; снизу: «Граница поколений (высокая смертность). См. книгу Чижевского “Земное эхо солнечных бурь”» [8: Л. 18 об.].

¹² То же: [6: 13 об.]

Век при таком подходе включает в себя 7 поколений («семирицу») и равен не столетию, а 91-му году (семь раз по 13). Охупкин дает интерпретацию этому числу через символику «возмездия»: «Получается в общем век — 91 год. Если учесть, что по Библии дети страдают за грехи родителей аккурат до седьмого колена, получаем именно век — 91 год» [8: Л. 18].

В календаре Охупкина особым значением наделены памятные даты, обозначающие наступление христианской эры. Так, «Бронзовый век» начинается годом воплощения Христа; счет поколений поэтов (= крещеных) — годом рождения Иоанна Крестителя. Таким образом, себя Охупкин относит к 151-му поколению (рожденные в 1944 — 1956 гг.) христианской эры, 4-му — в XX веке; Кузьминского — к 150-му поколению (рожденные в 1931— 1943 гг.), 3-му в XX веке: «44 года рож<дения>. — я, Крив<улин>, Ожиг<анов>, Страт<ановский>. Мы — начали новое поколение. Вот почему вы — ты, Брод<ский>, Лён и т. д. есть предыдущее поколение» [б: 13 об.].

В вопросе о датировке рождения Христа, Охупкин придерживается определенной трактовки, настаивая на том, что «истинны<м> год<ом> Рожд. Х.» является 5-й год д. н. э. [б: Л. 13]. Заметим, что в книге Бикермана эта дата напрямую не названа¹³. Скорее всего, Охупкин пользовался «Толковой Библией» (А. П. Лопухина), а затем переводил указанные там года по таблицам Бикермана. В комментариях Толковой Библии к «Евангелию от Матфея» говорится, что годом рождения Христа, согласно астроному Кеплеру, считается 748 год от основания Рима, но «...теперь почти всеми экзегетами принимается, что Христос родился в конце 749 года от осн<ования> Рима, или на 2-3 года раньше начала нашей христианской эры» [Толковая Библия 1911: 53]. В Синхронической

¹³ Рассматривая в главе «Прикладная хронология» разные системы древнего летоисчисления, Бикерман останавливается на истории введения Дионисием Малым даты Христианской эры, далее указывает датировку рождения Христа по «Канону», помещенному в «Хронике» Евсевия Кесарийского: «... рождение Иисуса Христа приводится под 2015-м годом от Авраама и этот год отождествляется с 25-м годом правления императора Августа и приходится на 184-ю олимпиаду, т. е. соответствует 2 г. до н.э. по нашему летоисчислению, которое восходит к Дионисию Малому.» [Бикерман 1976: 82].

таблице летосчисления, приведенной Бикерманом, 749-й год от основания г. Рима соответствует 5-му году до н. э.¹⁴

Идея символического календаря, очевидно, стала складываться у Охупкиной еще в начале 1970-х гг. и первоначально воплотилась в стихах. В ряду *литературных источников* его концепции назовем стихи из романа Б. Пастернака «Доктор Живаго», поэму А. Блока «Возмездие», «Поэму без героя» А. Ахматовой, «Ленинградский апокалипсис» Д. Андреева, «Дон Жуана» Байрона в переводе Татьяны Гнедич.

Прочтение Охупкиным романа Пастернака, как полагаю, было опосредовано исследованиями американского слависта Д. Д. Григорьева (о. Дмитрия), настоятеля Американской православной церкви, профессора русской литературы Джорджтаунского университета, и прежде всего его статьей «Пастернак и Достоевский» (опубликована на русском языке в 1960 г в журнале «Вольная мысль»)¹⁵, в которой критерием для сопоставления мироощущения этих писателей служит отношение их персонажей к смерти: «От внутреннего непримирения с мыслью о смерти и разрушении они приходят к мистическому утверждению жизни как Высшей Сущности, наполняющей и содержащей весь мир. Их героев поддерживает именно эта жизнеутверждающая сила, которую они черпают в окружающем их мире, в природе» [Григорьев 1960: 84].

Анализируя сюжет двух произведений Юрия Живаго: задуманной им во время болезни поэмы «Смятение» о пребывании Христа во гробе до воскресения и стихотворения «Магдалина II» о Марии, принявшей воскресшего Христа за садовника, — Григорьев истолковывает их через эпитафию из Евангелия от Иоанна, данный Ф. М. Достоевским к «Братьям Карамазовым» («Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Гл. XII, ст. 24)): «Смерть — врата к бессмертию. Чтобы

¹⁴ Таблица IV. Синхроническая таблица летосчисления (776 г. до н. э. — 300 г. н. э.). Подзаголовок: «Годы от основания г. Рима, по Варрону, годы олимпиад и египетские подвижные годы» [Бикерман 1976: 172].

¹⁵ Первая публ. (на англ. яз.): [Grigorieff 1959].

наследовать жизнь вечную, надо умереть, т. е. перейти в другое состояние» [Григорьев 1960: 85].

Такая интерпретация поэмы «Смятение» существенно отличается от данного в романе авторского пояснения о ее замысле: «[Юрий] пишет поэму *не о воскресении и не о положении во гроб, а о днях, протекавших между тем и другим*. <...> Он всегда хотел написать, как *в течение трех дней буря черной червивой земли осаждает, штурмует бессмертное воплощение любви*, бросаясь на него своими глыбами и комьями, точь-в-точь как налетают с разбега и хоронят под собою берег волны морского прибоя» [Пастернак; 1988: 1, 184]¹⁶.

Охапкин отдает предпочтение не авторскому видению этого эпизода, а его истолкованию Д. Григорьевым, «ключом» для него тоже служит последняя строка стихотворения «Магдалина II»: «Но пройдут такие трое суток / И столкнут в такую пустоту, / Что за этот страшный промежуток / *Я до Воскресенья дорасту*». [Пастернак 1988: 2, 250]

В стихотворении Охапкина «Мария Магдалина» (1972)¹⁷ содержатся аллюзии на оба указанных выше текста из романа. К поэме «Смятение» отсылает здесь образ «земляных волн» (волн смерти). В отличие от Пастернака, у Охапкина отсутствуют мотивы «вглядывания в бездну смерти», «отождествления себя с Христом», историческая дистанция с евангельскими событиями подчеркивается образом плащаницы («море складок», «льняные волны»), складки которой запечатлели страдания Спасителя¹⁸, но этот образ

¹⁶ Курсив здесь и далее наш, кроме особо оговоренных случаев. — Ю. В.

¹⁷ Echo. Paris. 1979. №1. С. 80–83. Подборка стихотворений Охапкина в этом номере, включающая в себя «После бури», «Мария Магдалина», «Метаплазия мира» (Памяти Н. Ф. Федорова), «Взгляд свыше», «Продмаг. Очередины. Спертый дух...», подготовлена И. Н. Бурихиным.

¹⁸ Возможно, этот образ был порожден чтением материалов о Туринской плащанице. Д. В. Бобышев вспоминает о самиздатской брошюре на эту тему, которую ему дал Охапкин: «...эти материалы были не только о погребальных пеленах Иисуса, но и о самой казни, сообщая такие факты и детали, такие анатомические, медицинские и даже химические подробности, от которых при чтении волосы вставали дыбом и чуть не лопались собственные нервы» [Бобышев 2014б: 249].

призван не сломить, а, напротив, укрепить дух поэта в его следовании полному терний пути:

Он вспоминал потом, что понял все,
 Едва увидел это море складок
 И этот плат, который выше сил
 Увидеть было. Вызывали страх
 Не пятна крови, но льняные волны.
 [Охапкин 1979: 82]

Глагол «коснуться», которым у Пастернака вводятся мотивы личной вовлеченности, запредельного хождения («Рады коснуться и ад, и распад, и разложение, и смерть, и, однако, вместе с ними рады коснуться и весна, и Магдалина, и жизнь. И — надо проснуться. Надо проснуться и встать. Надо воскреснуть»), в стихотворении Охапкина поставлен в отрицательную форму императива («*Не прикасайся / Ко мне! Еще я не был у Отца. / Мой путь еще не пройден до конца*»), тем самым акцентируется позиция автора¹⁹, сходная в данном вопросе с утверждением Н. Гумилева: «Всегда помнить о непознаваемом, но не оскорблять своей мысли о нем более или менее вероятными догадками», «все попытки в этом направлении — нецеломудренны»²⁰.

¹⁹ Не могу согласиться ни с А. Ю. Арьевым, который (не приводя, правда, конкретных названий и примеров) называет стихи Охапкина «благодарно имитирующ<ими> чужую манеру. В первую очередь — Бродского, затем — позднего, периода “Доктора Живаго”, Пастернака» [Арьев 2021: 14], ни с Ж. фон Цитцевитц, в чьем прочтении в стихотворении «Мария Магдалина» «поэт вписывает себя в библейскую сцену до такой степени, что он отождествляет себя с Марией и/или другими учениками.» [Цитцевитц 2015: 39]. «Переработка» Охапкиным пастернаковских сюжетов поэмы «Смятение» и стихотворения «Мария Магдалина II» близка по своему характеру с трактовкой им библейской «Книги Иова» в поэме «Испытание Иова», отсутствие в которой важного для первоисточника мотива «бунта Иова» С. Г. Стратановский объясняет тем, что «для человека, ищущего опоры в Боге, Иов, доверяющий Богу, важнее Иова бунтующего» [Стратановский 1993: 143].

²⁰ Гумилев Н. С. Наследие символизма и акмеизм. — Цит. по: [Гумилев 1991: 297].

Идея о том, что путь к обновлению предполагает осознание идущим, откуда он вышел, звучит в стихотворении Охапкина «22 марта 1975 года»²¹ — о предназначении своего поэтического поколения («Мы рождены в минуту горя, / Но для великой радости...» [Охапкин 1978б: 107]). Мотив «заглядывания в темень» соединен здесь с пасхальными мотивами²²:

Но жизнь идет. Стой! Кто идет? — Господь.

Что делать нам, рожденным в это время,

Когда животный страх перебороть

Уже нельзя, не заглянувши в темень?

<...>

Светает. Равноденствие. Весна.

Великий пост. В грядущем солнце всходит.

Стой! Кто идет?.. И видно по погоде:

Природа просыпается от сна.

[Охапкин 1978б: 108]

В письмах Охапкина содержится немало советов Кузьминскому относительно готовящейся Антологии. Один из них звучит для представителя поэтов «второй культуры» неожиданным: включить в состав Антологии не только неконформистов, но и конформистов (правда, с соответствующей пометой): «...не брезгуй и другими поэтами этого века (Бронзового), т. е. конформистами, их можно так и представить как поэзию конформистов или конформизма» [1: Л. 2 об.]; «Теперь касательно конформистов. Почему нас метят неконформистами при всяком случае, а тех нет. Их надо, конечно, кому-то печатать, но пусть их метят конформистами. Напр<имер>, Возн<есенский>. и т. д. А то что-то не ясно, почему нам такой почёт, а им нет. Им тоже надо отдавать должное,

²¹ Время и мы. 1978. № 34. С. 107–108. В подборку Охапкина с общим названием «Твоя во тьме защита...» вошли также стихотворения: «Наше поколень», «Памяти поэта», «За десять лет, измечтанных, глухих...» (с посв. А. С. Кушнеру).

²² Т. М. Горичева отмечает одно из проявлений религиозного начала в философской лирике Охапкина: «Жертвенность его радостна, полна надежды. Впереди — всегда Пасха» [Горичева 2014: 8], видя в этом «глубоко православную черту» его поэзии.

т. е. метить. Пусть будет поровну. Или вообще никого не метить. Тогда отчего же мы неконформисты? Может, просто русские поэты?.. Но я всё же предпочитаю позицию благоволения ко всему талантливому и честному. Это естественней» [5: Л. 11]. Свою позицию Охапкин поясняет стремлением «всё и всех примирить и воссоединить <...> Ну, сам понимаешь, и фамилия моя обязывает, и душа русского человека» [11: Л. 27].

Полагаю, что это суждение Охапкина, — в традиции «терпимости к еретикам», — основано на восприятии им учения преподобного Нила Сорского, возрождению идей которого в русской культуре XIX в. были посвящены статьи Д. Григорьева «Достоевский и религия» [Григорьев 1961] и «Достоевский в русской церковной и религиозно-философской критике» [Григорьев 1968]. О знакомстве Охапкина с этими работами свидетельствует одно из его писем к астроному Н. А. Козыреву, в котором поэт сообщает, что советовался с о. Дмитрием относительно своей поэмы «Испытание Иова», а именно: о допустимости данной им трактовки библейского текста. Охапкин делится с Н. А. Козыревым радостью о полученном одобрении и знакомит его со взглядами о. Дмитрия на религиозную составляющую романов Достоевского:

Мои сомнения рассеял вчера один профессор из университета в Вашингтоне. Он там преподаёт творчество Ф. М. Достоевского и написал великолепную статью о нём. В этой статье он защищает нашего великого писателя от нападков на него суровой псевдохристианской и антихристианской критики²³. Там же он замечательно задушевно выводит христианское мирозерцание Фёдора Михайловича через традиции Нила Сорского в противовес традиции Иосифа Волоцкого²⁴ и указывает истинно православное

²³ Имеется в виду [Григорьев 1968].

²⁴ «Иосифляне вместе с Иосифом Волоцким толкали церковь на путь соревнования с государством, помышляли едва ли не о господстве церкви над государством. <...> Совершенно другую позицию отстаивал в этом споре Нил Сорский, стремившийся вывести церковь прежде всего на путь духовного служения народу, человеку. Он понимал, что церковь есть сила внутренняя, а не внешняя, и потому направлял ее по существу на путь служения культуре» [Григорьев 1989: 204]; «...“спор Заволжских старцев”

происхождение взглядов Достоевского на мир, называет его провозвестником нового христианства — религии любви и свободы, и даже уподобляет его великим святым отцам нашей церкви, а его литературу святоотеческой письменности. А главное, он подчёркивает в творчестве Достоевского его страстную проповедь Богочеловеческого отношения к жизни и обличение человекобожеского дерзновения гордых мира сего.

Так вот, этот профессор — Дмитрий Дмитриевич Григорьев. Он — священник, и служил, как это ни удивительно, за праздничной обедней в нашей Лавре на Троицу. Бог привёл познакомиться с ним и беседовать целый вечер.

Я сообщил ему о своих сомнениях по поводу моего сочинения и прочёл ему это моё сочинение, как на исповеди.

Мне было тем более важно выслушать мнение не только знатока творчества Достоевского, но и священника в высшей степени богословски образованного и глубоко благочестивого.

Он с большим волнением слушал, потом посмотрел и саму рукопись, и в результате поздравил меня с духовной победой и с удавшейся поэмой. Вот результат моей внутренней жизни за последнее время²⁵.

Полагаю, что статьями Григорьева о религиозном мирозерцании Достоевского навеяны мысли Охепкина о «христианском братстве поэтов», высказанные им в письме к Кузьминскому от 22 ноября 1979 г.: «...трагедия наша не социальная, а глубоко экзистенциальная, христианская. Так уж мы задуманы Богом. *Христианское братство поэтов* — вот наша русская судьба перед лицом жестоковых людей и заблудшего мира» [10: Л. 25 об.]²⁶.

и духовное наследие преподобного Нила Сорского отразились на религиозных убеждениях Ф. М. Достоевского, особенно в романе «Братья Карамазовы» в образе и поучениях старца Зосимы» [Григорьев 2002: 59].

²⁵ Архив РАН СПб. Ф. 1093. Оп. 3. № 589. Л. 11–12. Письмо Охепкина Козыреву датировано 27 июля 1973 г.

²⁶ В одно из писем Кузьминскому Охепкин вложил рекламный проспект Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Ленинграде. Заметим, что Охепкин, наряду с Чагиным и Чирсковым, некоторое время служил в Музее Достоевского. О своем устройстве туда рабочим он сообщает

Характеризуя воспринятое Нилом Сорским учение исихастов «об универсализме христианства, о вселенской Церкви», Григорьев отмечает его противостояние «зарождавшемуся византийскому гуманизму-эллинизму» [Григорьев 2002: 54]. Аналогичным образом трактует Охупкин суть различий между поколениями ленинградских поэтов:

Ваше и наше поколения были «Оглянись во гневе», а теперь пришло поколение, и за ним намечается ещё одно такое, даже более такое, так эти «Оглянись без гнева». Я уже понаблюдал. Видимо, всё идёт к обществу потребителей слабых спиртных напитков, к своеобразному «эллинизму» в значении затухания стиля и апокалиптических настроений. [8: Л. 17].

Интересен вопрос об источнике названия «Бронзовый век» в концепции Охупкина. В письмах к Кузьминскому происхождение этого названия не объясняется. Заметим, однако, что Охупкин не был его первооткрывателем²⁷: в значении «современный период русской поэзии» оно встречается в статье Ю. А. Герцога «Циклическое развитие литературы», опубликованной в том же номере «Вольной мысли» за 1968 г., что и работа Григорьева «Достоевский в русской церковной и религиозно-философской критике»:

Пусть он не будет столь великолепным, каким был Золотой век; не столь изысканно утонченным, как Серебряный век в начале нашего столетия <...> Пусть это будет Бронзовый век литературы, но в нем художественная сторона будет занимать подобающее ей место, вопросы смысла и путей литературы и вообще искусства окажутся в значительной степени нашедшими свое разрешение после векового и всемирного блуждания в потемках. Возможно,

в Бюро профессиональной группы писателей при ЛО Литфонда СССР в письме от 3 декабря 1975 г., в дополнении к своему заявлению от 2 октября того же года о выходе из профсоюзной группы в связи с отсутствием литературного заработка (ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. № 600. Л. 96).

²⁷ Суждение о принадлежности названия О. Охупкину см.: [Ковалькова 2018: 7], [Щипков 2021: 407]. Высказывается также мнение о том, что Охупкин «создал понятие Бронзового века, почувствовал его и дал ему название», а теоретически его оформил Слава Лён [Ковалькова 2018: 7].

что цикловой темой станут художественные прозрения в космологические тайны мироздания, до которых медленная поступь науки еще не дерзает достигнуть [Герцог 1968: 84–85].

Охапкин эту статью не упоминает. Зато, излагая Кузьминскому свою концепцию Бронзового века, едко полемизирует с поэтом В. П. Бетаки, автором названия «*Медный век*» ([Бетаки 1977], [Бетаки 1979]): «Бронзовый век, а не Медный, как полагает Мудаки...» [1: Л. 2].

Подчеркнуто сниженный стиль, в котором Охапкин отзывается о Бетаки («И мой тебе совет — употреблять мою классификацию, ибо она здесь в России вполне прижилась с моей легкой руки, да и на международную арену, кажется вышла, и Ваське, пожалуй, не вытянуть за мной, он-то лепит от печки...» [1: Л. 2–2 об.], вызывает у Кузьминского вопросы и заставляет адресанта объясниться: «Видел я его статейку о Медном веке, вот и высказался, может, потому, что он обо мне как-то не так все пишет, норовит меня списать в молодые, да становящиеся» [3: Л. 6].

Надо заметить, что Василий Бетаки «Медным веком» называет не тот период, который Охапкин именует «Бронзовым», а только десятилетие 1956–1966, мотивируя такое определение доминированием у поэтов «оттепели» (к которым относит А. Галича, Б. Окуджаву, А. Вознесенского, М. Борисову, Н. Матвееву, Н. Рубцова, В. Сошнору, раннего Е. Евтушенко и себя самого) ораторской интонации. Знакомя читателей альманаха «Третья волна» с поэтами 1970-х («новыми поэтами», «поэтами культуры подпольной»), Бетаки отмечает у них смену интонации на интимную («не державинским, а тютчевским духом», «гражданственность <...> ушла в многослойность и многозначность метафоры, утратив вид нашей резкой парадоксальной формулы» [Бетаки 1979: 27]). В отношении же Охапкина, представленного здесь стихотворением «Виктору Кривулину», делает оговорку: «...его чисто ораторские интонации уводят от нового поколения опять к поэтам шестидесятых, опять к нашему «Медному веку». Трубная нота не всегда удается ему, но этот поэт <...> еще на пути к становлению, еще ищет собственной неповторимости и, видимо, найдет ее, судя по его последним стихам. Это видно в сочетании классического звучания и нервных контрастов его образности» [Бетаки 1979: 32–33].

Выскажу предположение, что противопоставление Охапкиным семантики «медного» и «бронзового», принципиальное для его концепции «Бронзового века» и относящееся к метаисторической линии его символического календаря («Медный век был при Екатерине II, если уж на то пошло» — [1: Л. 2]), обусловлено его рецепцией поэмы Даниила Андреева «Ленинградский апокалипсис».

Охапкин считал Д. Л. Андреева одним из предшественников Бронзового века. Об этом он пишет Кузьминскому 25 октября 1979 г. и сообщает о вышедшем в Советском Союзе сборнике, в котором был опубликован под названием «Ладога» сокращенный вариант «Ленинградского апокалипсиса»:

Обрати внимание на поэта, коего я открыл тут — Даниила Андреева. С него надоть бы кой-что начать. Есть у него, покойного, целая книжища поэм: «Русские боги» называется. Справки в «Логосе»²⁸ и «Общ<ине>»²⁹. Лирика его второстепенна, но поэмы! Кроме того, это Дант нашего времени, только в прозе: «Роза Мира» — много бреда в конце, но сама книга!!! Такого ещё и в России не было. Он поэт-визионер. <...> Есть вдова на Москве³⁰. Могу достать адр<ес>. <...> Дело говорю. Была у него маленькая книжечка, да прополота до камней. Но для твоего замысла хватит и «Лен<инградский> апокалипсис». Хочешь, пошлю совпись — книжечку, наз<ывается> «Ранью заревою»³¹ [6: Л. 13].

²⁸ В письме от 1 ноября 1979 г. Охапкин уточняет название журнала: «Я тебе писал “Логос”, а надо “Гнозис”» [7: 15]. Имеется в виду религиозно-философский и литературный журнал «Гнозис» (Gnozis = Gnosis), созданный А. Б. Ровнером. Журнал выходил с 1978 г. в Нью-Йорке; в 1995–2006 — в Нью-Йорке и Москве).

²⁹ «Община» — самиздатский журнал Христианского Семинара по проблемам Религиозного Возрождения, подготовлен организаторами Семинара В. Ю. Порешем и А. И. Огородниковым. Состоялся единственный выпуск: М.; Л., 1978. № 2. Номер 2 был дан журналу как намек на невышедший № 1 «Бюллетеня» Семинара, макет которого был конфискован КГБ. Охапкин редактировал в журнале литературный отдел. Подробнее см.: [Пореш 1993], [СЛ 2003: 436–437]. Их воспоминания об Охапкинe приведены в [Огородников 2018: 32–33], [Пореш 2018].

³⁰ Андреева Алла Александровна (урожд. Бружес, 1915–2005) — жена Д. Л. Андреева, автор книги мемуаров о нем («Плаванье к Небесной России»). Была репрессирована одновременно с мужем. Подготовила к изданию его философское и литературное наследие.

³¹ См. [Андреев 1975]. Предисловие «О Данииле Андрееве» написал В. Г. Лидин. В этом сборнике, помимо стихотворений, опубликована поэма

Напомним, что полный текст поэмы Андреева «Ленинградский апокалипсис» (1949–1953) был прочитан вслух Охупкиным на первой конференции «Гумилевские чтения», прошедшей у него дома 16 апреля 1976 г.³², а в 1978 г. эта поэма, вместе с отрывками из еще не опубликованной тогда книги Андреева «Роза мира», была помещена в журнале «Община»³³ (в том же номере были напечатаны и стихотворения Охупкина, в том числе «Бронзовый век», «Наше поколение», поэмы «Возвращение Одиссея» и «Испытание Иова»). По словам одного из издателей журнала: «Он [Охупкин — Ю. В.] открыл нам Даниила Андреева, которого мы опубликовали, что вывело наш журнал на новый уровень» [Огородников 2018: 33]³⁴.

В основе фабулы этой поэмы — мистическое видение, пережитое автором в осажденном Ленинграде вечером 31 января 1943 г. возле разрушенного при бомбежке Михайловского (Инженерного) замка (бывшей резиденции Павла I): «Внутри него темнело и сверкало противостояние непримиримейших начал, а их ошеломляющие масштабы и зиявшая за одним из них великая демоническая сущность внушали трепет ужаса» [Андреев 2010: 1006].

Метаисторический план поэмы вводится через противопоставление двух скульптурных изображений Петра Первого («Медный всадник» Э. М. Фальконе, воздвигнутый Екатериной II, и конная

«Ладога» (1953), сокращенный вариант поэмы «Ленинградский апокалипсис». По сравнению с оригиналом, в поэме «Ладога» выпущены строфы с описанием голода, людоедства, разрушений, апокалипсических видений. Сокращение текста было выполнено вдовой Андреева Аллой («Правку и переименование поэмы А. Андреева взяла на себя, считая, что сделает это бережнее и осмысленнее редактора» [Андреев 2010: 1006].

³² См. [WSA 1984: 11].

³³ «Община». 1978. № 2. Оглавление номера приведено в [ОЧ-2: врезка]. Список напечатанных в нем стихов Охупкина см. в [ОЧ-2: 41]. Отметим, что в том же году, в № 110 журнала «Грани», также под одной обложкой были опубликованы прозаическое произведение Андреева «Изменение» и подборка из шести стихотворений Охупкина с предисловием Дара «Ленинград. Судьба. Поэт».

³⁴ По словам Пореша, он, отдавая должное поэзии Андреева, не принимал его мистицизм («Великолепны стихи Даниила Андреева, но это не наш автор...» [Пореш 2018: 36]).

фигура Петра работы Б.-К. Растрелли, установленная Павлом I перед своей резиденцией), выражающих его символические ипостаси, соответственно: «медную» — *властителя, гонителя*; «бронзовую» — *воина, защитника*:

...по-прежнему
 У замка, где скончался Павел,
 Уздою бронзовую правил
 Колосс на пасмурном коне:
 Открыт дождям и ветру снежному, —
 Не Медный Всадник той поэмы,
 Что с детских лет лелеем все мы,
 Но тот же царь с жезлом, в броне.
 [Андреев 2010: 792]

Кульминация поэмы — победа светлых сил во главе с «бронзовой ипостасью» Петра I и под предводительством архистратига Михаила, небесного покровителя Павла I, в битве с демонами над Михайловским Замком и утверждение незыблемости «культуры — мудрости — красоты».

В этом контексте становится понятным противопоставление Охапкинским символики «медного» и «бронзового» и то эмблематическое значение, которым он наделяет свое поколение поэтов, родившихся в год окончательного снятия блокады Ленинграда: «44 года рож<дения> — я, Крив<улин>, Ожиг<анов>, Страт<ановский>. Мы — начали новое поколение.» [б: Л. 13 об.].

В числе других литературных источников метаисторической концепции Охапкина — поэма Блока «Возмездие», воспринятая через Д.Андреева.

Отвечая на «Анкету об Александре Блоке», предложенную по случаю столетнего юбилея поэта самиздатским журналом «Диалог», Охапкин назвал «Возмездие» «лучш<им> произведени<ем> Блока», «сам<ым> трезв<ым>» [Охапкин 1981: 160], подчеркнув, что для него «этот «роман в стихах» Блока «стоит выше, чем его лирическая трилогия» [там же].

Отношение Охапкина к Блоку не было однозначным, что было связано с вопросом о религиозности его поэзии: «Сущность поэзии — возвышенный аспект всего сущего. Блоку не всегда удавалось

видеть этот аспект» [там же: 158]. В отрицании религиозного начала поэзии Блока («У него была тоска по религии, но самой положительной религии у него, кажется, не было, и это — корень его трагедии» [там же: 161]), но признании её мистицизма («мистический плен») позиция Охупкина во многом сходна с мнением З. Н. Гиппиус, первой отметившей эту особенность поэзии Блока в рецензии на «Стихи о Прекрасной Даме»³⁵:

Книга Блока мистична, но отнюдь не религиозна. Мистика, так же как эстетика, так же, впрочем, как и голый романтизм, — одинаково на *этом* берегу, и между ними и религией одинаково лежит пропасть <...>. Автор «Стихов о Прекрасной Даме» еще слишком туманен, он — безверен: самая мистическая неопределенность его не окончательно определена; но там, где в стихах его есть уклон к чистой эстетике и чистой мистике, — стихи не художественны, неудачны, от их веет смертью. [Гиппиус 2004: 29, 32. Курсив автора. — Ю. В.].

Хотя в ответах на «Анкету об А. Блоке» Охупкин не называет имени З. Гиппиус, некоторые его суждения звучат так, словно он вступает с ней в полемику, находя для Блока оправдание и тем самым защищая его от ее нападков. Если З. Гиппиус упрекает певца Прекрасной Дамы в том, что его герой проигрывает пушкинскому «Бедному рыцарю» в мужественности, то Охупкин, напротив, видит «внутреннее существо Блока — благороднейшего из благородных рыцарей-паладинов, послужившего своей Прекрасной Даме любовью самой возвышенной — христианской, жертвенной даже до смерти» [Охупкин 1981: 161]. В то время как рецензент отмечает, что «основное свойство всех стихов сборника — это искусственная простота и, следствие этого, неискренность» [Гиппиус 2004: 36], Охупкиным утверждается прямо противоположное: «Исповедальность Блока для меня самое ценное в его мистическом опыте» [там же: 162].

О Блоке периода поэмы «Возмездие» Охупкин пишет: «...впал в прелесть пророчествования. И тем не менее, он — пророк, и через это — христианин, только не в том смысле, как он сам полагал. Блок — пророк исповедальной культуры» [там же]. Аллюзии на эту

³⁵ Рецензия Гиппиус цитировалась в [Минц 1980: 148–149].

поэму содержатся в стихах Охапкина «Бронзовый век» (1975), «Видение Блока» (1978), «Памяти Блока» (1978).

Стихотворение «Бронзовый век» (с эпиграфом из «Поэмы без героя» А. Ахматовой³⁶) воплощает представления Охапкина о миссии их поэтического поколения. Отсылка к образу «Железного» века поэмы «Возмездие» («Век девятнадцатый, железный, / Воистину жестокий век! / Тобою в мрак ночной, беззвездный / Беспечный брошен человек! / В ночь умозрительных понятий, / Матерьялистских малых дел, / Бессильных жалоб и проклятий / Бескровных душ и слабых тел!» [Блок 1960а: 304]) соединена здесь с аллюзиями на «Поэму без героя» («А по набережной легендарной / Приближался не календарный — / Настоящий Двадцатый Век» [Ахматова 1977: 367]):

*А по набережной блокадной
Той походкой слегка прохладной
Горемык, стариков, калек
Двадцать первый маячил век.*

*Век железный. Теперь уж точно.
Но в него мы войдем заочно.
Нас раздавит железом он —
Век-машина, Число-закон.
[Охапкин 1978а: 67]³⁷*

Апокалиптическому видению XXI-го века, приближающегося по блокадной ленинградской набережной, противопоставлен мотив возмездия поэтов «Бронзового века», введенный через отсылку к поэме Д. Андреева «Ленинградский апокалипсис»:

³⁶ «На Галерной чернела арка, / В Летнем тонко пела флюгарка, / И серебряный месяц ярко / Над серебряным веком стыл» [Ахматова 1977: 366].

³⁷ Помещенная в третьем номере журнала «Время и мы» за 1978 год подборка из трех стихотворений Охапкина («Воля к миру», «Бронзовый век», «Пророк») имеет общее название «В Бронзовом нашем веке». Заслуживает упоминания интерпретация этой поэмы А. Щипковым, прочитывающим «бронзу» как «религиозный жар» в ключе романов Ф. М. Достоевского [Щипков 2021].

*Но поэзии нашей бронза
Над машиною встанет грозно,
Серафически распластав
Огнецветный души состав.*
[Охапкин 1978а: 67]

Начальные же строфы «Бронзового века» содержат аллюзию на зачин 1-й песни «Дон Жуана» Байрона (в переводе Т. Гнедич). В ответ на перечисление английским поэтом снискавших славу, но погибших героев прошлых дней³⁸ и риторическое восклицание «Ищу героя!» [Байрон 1959: 8], Охапкин называет имена 20-ти ленинградских поэтов, в том числе и свое, в качестве героев своего века:

Красовицкий, Ерёмин, Уфлянд,
Глеб Горбовский, Соснора, Кушнер...
Макинтошами, помню, услан
Путь Господен в живые души.

Рейн да Найман, Иосиф Бродский,
Дмитрий Бобышев да Охапкин
Наломали пред ним березки,
Постилали цветов охапки. <...>
[Охапкин 1978а: 66]

Библиография

Андреев 1975 — *Андреев Д. Л.* Ранью заревою: стихи. М.: Советский писатель, 1975.

³⁸ Песнь первая, октава третья: «Барнав, Бриссо, Дантон, и Кондорсе, / Марат, и Петийон, и Лафайет — / Вот Франция во всей своей красе, / (А все-таки забывчив праздный свет.) / Жубер и Ош, Марсо, Моро, Дезэ — / Смотрите-ка: им просто счету нет! / Недавно их венчали лавры славы, / Но не приемлют их мои октавы» [Байрон: 1959: 9]. Из комментария Н. Я. Дьяконовой к второй и третьей октавам: «Байрон перечисляет здесь имена известных адмиралов и полководцев, карьера которых началась с блестящих успехов, но кончилась тяжелыми поражениями», а также «имена известных политических деятелей и полководцев эпохи Французской революции 1789 года; почти все они умерли насильственной смертью» [Байрон 1959: 344].

- Андреев 2010 — Даниил Андреев: pro et contra / Сост., вступ. статья, коммент. Г. Г. Садикова-Лансере. СПб.: РХГА, 2010.
- Арьев 2021 — *Арьев А. Ю.* Праздники без юбилеев // Охапкинские чтения. Альманах № 3 / Автор-составитель Т. И. Ковалькова. СПб.: [Б. и.], 2021. С. 13–15.
- Ахматова 1977 — *Ахматова А. А.* Поэма без героя // *Ахматова А. А.* Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1977. С. 352–378.
- Бетаки 1977 — *Бетаки В. П.* Петербургская поэзия. [Вступ. статья к подборке стихов Е. Игнатовой, В. Кривулина, О. Охапкина, В. Френкель, И. Бурихина] // *Грани.* 1977. № 103. С. 96–100.
- Бетаки 1979 — *Бетаки В. П.* Поколение «тайной свободы» (Вместо предисловия) // *Третья волна.* Альманах литературы и искусства. 1979. Февраль (№ 5). С. 26–33.
- Бикерман 1976 — *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М.: Наука, 1976.
- Блок 1960а — *Блок А. А.* Возмездие // *Блок А. А.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 3. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1960. С. 294–344.
- Герцог 1968 — *Герцог Ю. А.* Циклическое развитие литературы // *Вольная мысль.* 1968. № 4. С. 54–87.
- Гиппиус 2004 — *Х <3. Н. Гиппиус>.* Литературные заметки. Стихи о Прекрасной Даме // *Александр Блок: pro et contra / Сост., вступ. ст., примеч. Н. Ю. Грякаловой.* СПб.: РХГИ. (Русский путь), 2004. С. 27–34.
- Горичева 2014 — *Горичева Т. М.* Человек длинной воли // *Охапкин О. А.* Философская лирика / Сост. Т. И. Ковалькова. СПб.: Русская культура, 2014. С. 6–9.
- Григорьев 1960 — *Григорьев Д.* Пастернак и Достоевский // *Вольная мысль.* 1960. № 2. С. 79–87.
- Григорьев 1961 — *Григорьев Д.* Достоевский и религия // *Вольная мысль.* 1961. № 3. С. 26–66.
- Григорьев 1968 — *Григорьев Д.* Достоевский в русской церковной и религиозно-философской критике // *Вольная мысль.* 1968. № 4. С. 88–136.
- Григорьев 1989 — *Григорьев Д.* Нам есть что сказать друг другу. Беседу вели Евг. Иванова и С. Селиванова // *Вопросы литературы.* 1989. № 6. С. 199–213.
- Григорьев 2002 — *Григорьев Д.* Достоевский и церковь. У истоков религиозных убеждений писателя. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского инст., 2002.

- Гумилев 1991 — *Гумилев Н. С.* В огненном столпе. М.: Советская Россия, 1991.
- Ковалькова 2018 — *Ковалькова Т. И.* О концепции «Бронзового века» // Охапкинские чтения. Альманах № 2. СПб.: [Б. и.], 2018. С. 5–16.
- Минц 1980 — *Минц З. Г. А.* Блок в полемике с Мережковскими // Блоковский сборник. Вып. IV. Тарту, 1980. С. 116–222.
- Огородников 2018 — *Огородников А. И.* Монолог о семинаре (фрагмент круглого стола) // Охапкинские чтения. Альманах № 2. СПб.: [Б. и.], 2018. С. 29–35.
- Охапкин 1978а — *Охапкин О. А.* «В бронзовом нашем веке» // Время и мы. 1978. № 30. С. 64–71.
- Охапкин 1978б — *Охапкин О. А.* «Твоя во тьме защита...» // Время и мы. 1978. № 34. С. 103–108.
- Охапкин 1979 — *Охапкин О. А.* Стихотворения // Echo. Paris. 1979. № 1. С. 79–85.
- Охапкин 1981 — *Охапкин О. А.* Ответ на анкету об Александре Блоке // Вестник русского христианского движения. Париж; Нью-Йорк; Москва. 1981. № 134. С. 158–168.
- Охапкин 2009 — *Охапкин О. А.* Классические годы «Сайгона». Интервью Ю. М. Валиевой // Сумерки «Сайгона». СПб.: ZAMIZDAT, 2009. С. 139–141.
- ОЧ-1 — Охапкинские чтения. Альманах № 1 / Автор-составитель Т. И. Ковалькова. СПб.: [Б. и.], 2015.
- ОЧ-2 — Охапкинские чтения. Альманах № 2 / Автор-составитель Т. И. Ковалькова. СПб.: [Б. и.], 2018.
- ОЧ-3 — Охапкинские чтения. Альманах № 3 / Автор-составитель Т. И. Ковалькова. СПб.: [Б. и.], 2021.
- Пастернак 1988, 1 — *Пастернак Б. Л.* Доктор Живаго: в 2 кн. Вильнюс: Вага, 1988.
- Пореш 1993 — *Пореш В. Ю.* «Община» — журнал христианского семинара (1974–1980) // Самиздат (По материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80-е годы». Санкт-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.). Б. м.: НИЦ «Мемориал», 1993. С. 94–99.
- Пореш 2018 — *Пореш В. Ю.* Об Олеге Охапкине // Охапкинские чтения. Альманах № 2. СПб.: [Б. и.], 2018. С. 39–41.
- Рипак 2014 — *Рипак Е. А.* Столовый зал императора Павла I в Михайловском замке // Очерки истории Михайловского (Инженерного) замка. XXV. СПб., 2014. С. 36–44.

- Стратановский 1993 — *Стратановский С. Г.* Религиозные мотивы в современной русской поэзии // *Волга*. 1993. № 6. С. 142–145.
- Толковая Библия 1911 — *Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Издание преемников А. П. Лопухина. Т. 8. Евангелие от Матфея.* СПб., 1911.
- Успенский 2003 — *Успенский В. С.* Инженерный замок. Очерк // *Михайловский замок. Страницы биографии памятника в документах и литературе.* М.: Российский архив, 2003. С. 657–660.
- Цитцевитц 2015 — *Цитцевитц, Жозефина фон.* Олег Охапкин: между поэзией и догмой // *Охапкинские чтения. Альманах № 1.* СПб.: [Б. и.], 2015. С. 36–50.
- Чижевский 1924 — *Чижевский А. Л.* Физические факторы исторического процесса. Влияние космических факторов на поведение организованных человеческих масс и на течение всемирно-исторического процесса, начиная с V века до Р. Хр. и по сие время. Краткое изложение исследований и теории. Калуга, 1924.
- Чижевский 1976 — *Чижевский А. Л.* Земное эхо солнечных бурь. Изд. 2-е / Предисл. О. Г. Газенко. М.: Мысль, 1976.
- Шнейдерман 1998 — *Шнейдерман Э. М.* Пути легализации неофициальной поэзии в 1970-е годы // *Звезда*. 1998. № 8. С. 194–200.
- Щипков 2021 — *Щипков А. В.* Читая поэму О. Охапкина «Бронзовый век» // *Охапкинские чтения. Альманах № 3.* СПб.: [Б. и.], 2021. С. 405–412.
- Bickerman 1969 — *Bickerman E. J.* Chronology of the Ancient World. London, 1969.
- Grigorieff 1959 — Dmitry Felix Grigorieff. Pasternak and Dostoevskij // *The Slavic and East European Journal*. 1959. Winter. Vol. XVII (New Series. Vol. III). № 4. P. 335–342.
- WSA 1984 — К истории «гумилевских чтений» // *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 15.* Wien, 1984. S. 11–15.

Оглавление

Предисловие Д. Н. Козырева. Урания и Полигимния
(к истории одного творческого союза) 5

Олег Охупкин. Стихи с посвящением Н. А. Козыреву 10

SYMBOLIC

Анастасия Корсунская

О категории времени в лирике О. А. Охупкина (на примере
стихотворения «Ясней и тише год от году...») 33

Дмитрий Ивашинцов

Математика и поэзия — две стороны одной медали 39

Розалия Рупова

Наука и поэзия: точки касания 48

Венок сонетов 54

Ксения Голубович

Ночное дыхание. Знамя Года 62

Владимир Соколов

Некоторые заметки о сакральности времени
в поэзии Олега Охупкина 93

Юлия Валиева

О символическом календаре Олега Охупкина 96

Александр Марков

Время у Бродского и Охупкина 120

Мелвар Мелкумян

Про исхождение Времени 136

Лаврентий Шихобалов

Три этапа развития теории времени 142

Татьяна Ковалькова

- Физика времени Николая Козырева в метафизике
поэзии Олега Охапкина 149

MEMORIALE

- Письма Олега Александровича Охапкина
к Николаю Александровичу Козыреву (1968–1977).
Примечания А. Корсунской 163
- Воспоминания Ольги Борисовны Сокуровой.
Время Козырева 180
- Воспоминания Сергея Владимировича Фёдорова.
Памяти друга 193
- Фёдор Козырев. Оправдание Иова 199
- Персоналии 225